

Елена Юрьевна Дубровская

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

КАРЕЛЬСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ СЕВЕРНЫХ КАРЕЛОВ 1920 г.¹

Исследование опирается на православные издания начала XX в., выходящие по обе стороны российско-финляндской границы. Показано, как с помощью русской официальной печати начала XX в. складывались определенные представления читательской аудитории Финляндии и Карелии об экономическом и социально-культурном состоянии российско-финляндского приграничья, о населении приграничных территорий, его быте, верованиях, о ходе просветительской работы в крае. Хронологически статья охватывает период Первой мировой и Гражданской войн. Второй из этих периодов характеризуется на основе публицистических текстов Временного правительства Архангельской Карелии (Тоймикунта).

Ключевые слова: Карелия, Первая мировая война, приграничье, публицистика, «Карельские известия», Тоймикунта, 1920 г.

В исторической литературе достаточно подробно проанализирован арсенал средств имперской национальной политики, который сложился к концу XIX – началу XX в. и предполагал, наряду с экономической и церковно-миссионерской просветительной деятельностью, идеологически-пропагандистские приемы, включавшие публикации в прессе и создание конструкций, направленных на доказательство «прорусскости» карелов [Шейкин 2005; Витухновская 2006; Мусаев 2007б; Кораблев 2012; Илюха 2018].

Этнические предрассудки, попадавшие на страницы как российских, так и финляндских периодических изданий, влияли на формирование у читателей устойчивых этнических стереотипов, которые не способствовали снижению напряженности в отношениях между жителями сопредельных территорий, в том числе и на бытовом уровне. Многие из образов, сформировавшихся в общественном мнении (образ врага, образ другого государства и т. д.), тесно переплетены с конкретными обстоя-

¹ Исследование велось по госзаданию КарНЦ РАН (АААА-А18-118030190093-9).

тельствами места и времени, а составные элементы образа являются порождением определенного исторического момента [Забелина 2008].

Издававшиеся в Петрозаводске официальные «Олонецкие губернские ведомости» в вопросе об автономии Финляндии занимали позицию, мало отличавшуюся от той, что демонстрировали центральные издания. В пропагандистской кампании предвоенного периода они следовали за российскими консерваторами, которые вели наступление на автономные права Финляндии. По наблюдениям петрозаводского историка А. Ю. Осипова, серия статей в газете, посвященная истории автономного княжества в XIX столетии, показывала Финляндию как территорию, покоренную силой русского оружия и подчиненную русским законам, автономия же Великого княжества представляла всецело зависевшей от благосклонности российских самодержцев [Осипов 2008: 150; Нилов 2017: 109].

В годы Первой российской революции 1905–1907 гг. в кругах правых политиков и публицистов впервые появилось понятие «панфинская пропаганда», которым они стали обозначать разнообразную деятельность финских активистов в Российской Карелии, направленную на усиление в крае политического и культурного влияния Финляндии [Витухновская 1999, 2003; Нилов 2017: 105–106]. Исследователь из Университета Йюенсуу (Финляндия) Ю. Шикалов на материале Беломорской Карелии проанализировал структуру, механизм возникновения и воспроизводства как российского стереотипа «полудикого карела», так и финского стереотипа начала XX столетия, представлявшего карелов в «романтизированном» свете [Шикалов 2005].

Одним из проявлений идеалистического отношения финляндцев к населению карельского приграничья стала вышедшая в Финляндии в 1911 г. книга финского журналиста и фотографа Инто Конрада Инхи, которая недавно увидела свет в русском переводе [Инха 2019]. Книга «В краю калевальских песен» основана на наблюдениях традиционного быта и народной культуры беломорских карелов, сделанных во время путешествия автора по рунопевческим деревням приграничья в конце XIX столетия [Vuonenmaa, Kajander 1981]. Если публикации такого рода, появлявшиеся в автономном Великом княжестве Финляндском накануне Первой мировой войны, ставили целью отыскать истоки «Золотого века» финской истории, национальной культуры и идентичности в Российской Карелии – хранилище древних традиций [Нилов 2017: 106], то публицистическая деятельность служившего здесь православного духовенства во многом способствовала формированию у читателей стереотипизированного восприятия «коварной и неблагодарной Финляндии» [Дубровская 2002].

В том же 1911 г. в Петрозаводске, губернском центре Олонецкого края, начала издаваться еженедельная неофициальная газета консервативного направления «Олонецкая неделя». Газета выходила при Олонецком совете Православного карельского братства, ее редактором-издателем являлся ректор Олонецкой духовной семинарии протоиерей Н. К. Чуков. помощниками в подборе материалов были преподаватели семинарии П. М. Смирнов и Ф. П. Крючков. 1100 экземпляров из полуторатысячного тиража этого «органа православно-русского направления» бесплатно распространялись по волостным правлениям, библиотекам-читальням, церковно-приходским и земским школам, врачебным и фельдшерским пунктам Олонецкой губернии. Около двух с половиной сотен крестьян смогли стать его подписчиками благодаря низкой подписной цене (50 коп. в год) и льготному почтовому тарифу. Как предположил петрозаводский исследователь В. М. Нилов, в 1913 г. центральное правительство посчитало, что в Олонецком крае «панфинский вопрос» уже утратил актуальность, и, несмотря на настойчивые ходатайства губернских властей, прекратило выплату субсидии на издание газеты. Однако благодаря финансовой поддержке, оказанной губернским попечительством о народной трезвости и земством, «Олонецкая неделя» продолжала выходить до начала марта 1918 г. [Архиепископ Григорий 2012: 166; Нилов 2017: 89].

Вместо «Олонецкой недели» субсидия стала выплачиваться журналу «Карельские известия». С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. Главное (Финляндское) отделение Православного карельского братства взяло на себя выпуск журнала, который первоначально, с 1913 г., издавался православным кружком в с. Салми Выборгской губернии под редакцией настоятеля Крестовоздвиженской церкви на острове Мантсинсаари отца Петра Шмарина [Извлечение 1915; Басова 2016].

В это время до предела обострились противоречия между финляндским национальным движением и российской политической элитой. К старому конфликту между имперским центром и автономным Великим княжеством по вопросу о прерогативах верховной власти добавился и новый. Он вытекал из необходимости тотальной мобилизации, а значит, увеличения степени государственного вмешательства в местные дела, расширения роли армии и военной администрации в государственном управлении. Объявление войны закономерно повысило интерес к печати как со стороны читательской аудитории, так и со стороны имперской власти и губернского руководства на местах.

В середине декабря 1914 г. архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) сообщил финляндскому генерал-губернато-

ру Ф. А. Зейну об утвержденном им постановлении Главного совета Православного карельского братства. В соответствии с этим постановлением «Карельские известия», издававшиеся в Салми машинописным способом, с 1 января 1915 г. должны были выходить под тем же названием при Главном совете братства в Выборге и стать еженедельным епархиальным органом на русском языке.

Как писал Ф. А. Зейну архиепископ Финляндский и Выборгский. в «Карельских известиях» «в исключительных и потребных случаях» будут помещаться статьи на карельском языке, печатаемые русским шрифтом. Журнал станет уделять «особое внимание церковной общественной жизни Финляндской епархии», публикуя наиболее важные распоряжения епархиального начальства и помещая «сведения из жизни карельских приходов Олонецкой и Архангельской епархий». По мысли Его Высокопреосвященства, подписка на это издание должна была стать обязательной для церквей Финляндской епархии, а к генерал-губернатору архиепископ обратился с просьбой рекомендовать журнал «для выписки во все школы министерства народного просвещения в пределах Финляндии». Месяц спустя, 26 января 1915 г., Ф. А. Зейн уведомил архиепископа Сергия о том, что, «глубоко сочувствуя цели издаваемых при Главном совете Карельского православного братства „Карельских известий“ и желая блестящего успеха и широкого распространения этому изданию», он дал распоряжение всем русским начальным школам Карелии выписать журнал [КА].

«Карельские известия», выходявшие до Февральской революции 1917 г. от двух до четырех раз в месяц, стремились показать своему читателю имперскую историю как общее прошлое жителей многонационального государства, формируя представления читательской аудитории об этносах-соседях, прежде всего, карелах и финнах, о Финляндии и Карелии. Цель своей издательской деятельности редакция видела в том, чтобы быть на страже «православно-русского дела в Карелии, по возможности освещая все вопросы православной, политической, общественной, просветительской и народной русско-карельской жизни». Помимо священника П. Шмарина редактированием журнала занимался один из учредителей и сотрудников Православного карельского братства, переводчик на финский язык богослужебных книг протоиерей И. П. Варфоломеев, уроженец с. Колежма Кемского уезда Архангельской губернии [КИ 1].

Петербургский исследователь К. Е. Нетужилов обратил внимание на большие перерывы, случавшиеся в издании «Карельских известий», и на низкий полиграфический уровень журнала, особенно в начальный период его выборгской истории, когда в 1914 г. все номера были

изданы роторным способом. На этом основании он сделал справедливое заключение о том, что все же финансирование было весьма ограниченным и большим числом подписчиков «Карельские известия» похвастать не могли [Нетужилов 2004: 236].

Примечательны свидетельства об источниках финансирования журнала. В протоколе состоявшегося в июле 1917 г. допроса Н. В. Плеве, который в 1914–1916 гг. занимал пост товарища министра внутренних дел, а до этого управлял делами Совета министров Российской империи, содержатся вопросы, связанные с субсидированием царским правительством газетной и журнальной периодики, с так называемым «рептильным фондом». Следствие интересовало факты поддержки из государственных средств различных частных изданий. К примеру, «не шли ли народные деньги на тенденциозные правые органы печати» [Падение 1925: 61]. Выяснилось, что в начале 1913 г. Плеве как управляющий делами Совета Министров перевел в Выборг, в Совет Православного карельского братства, сумму в две тысячи рублей на издание «Карельских известий». Поясняя мотивы распоряжения, полученного им от председателя Совета Министров В. Н. Коковцова, Плеве заявил: «Это считалось полезным изданием... в том смысле, что оно проводило русскую политику в Карелии и в Финляндии. Главным образом, в Карелии» [Падение 1925: 58].

К началу Первой мировой войны описание миссионерских поездок православного духовенства Выборгской епархии по сопредельным территориям по обе стороны российской границы с Финляндским княжеством сформировалось в качестве самостоятельного жанра. Как и в «Православном финляндском сборнике» (выходил в 1910–1911 гг., редакция журнала размещалась при канцелярии архиепископа в Выборге) и «Олонецких епархиальных ведомостях» [Нетужилов 2004: 234; Олонецкие 2018], этот жанр оказался востребован в журнале «Карельские известия». Он был рассчитан на «своего» читателя и специфически отражал реалии конкретных путешествий с информационными, просветительскими и морализаторскими целями.

«Карельские известия» опубликовали подробные описания более десяти миссионерских поездок по приходам с карельским населением Архангельской, Олонецкой и Выборгской губерний. Их совершили возглавлявшие карельскую миссию любимец и правая рука архиепископа Сергия (Страгородского) епископ Киприан (Алексей Шнитников), а после его кончины в июне 1914 г. – преемник Киприана на посту Епископа Сердобольского, викария Финляндского и главы миссии Владыка Серафим (Александр Лукьянов) [Киркинен, Невалайнен, Сихво 1998: 198–199].

Помощником карельского синодального миссионера являлся иеромонах Валаамского монастыря Исаакий (И. Р. Трофимов) (1872–1952), хорошо известный в Приладожской и Олонецкой Карелии как катихизатор при Православном карельском братстве. В 1910 г. он исполнял должность псаломщика в Полвиярвской церкви Тайпальского прихода, а в следующем году был назначен помощником синодального миссионера, сразу же, как только открылась такая вакансия при совете братства [ПФС 1910. № 1. С. 81; 1911. № 1. С. 105; Arkimandritta 1989: 262–267].

В 1914–1916 гг. в «Карельских известиях» публиковались «Дневник карельского миссионера» и путевые наблюдения Исаакия, сделанные во время поездок с проповеднической целью по обе стороны границы автономного Великого княжества Финляндского. Иногда такие путешествия православного духовенства сопровождались чтениями с «туманными картинками» и распространением «назидательной литературы» на русском, финском и карельском языках. Исаакий, выходец из крестьянской семьи Петербургской губернии, ингерманландец, свободно владевший финским и карельским языками, неизменно участвовал в таких поездках, стремясь «подробно ознакомиться с жизненным бытом карел»². Его путевые заметки отмечают детали повседневной жизни населения приграничья, описывают бытовое поведение, суеверие и специфику карельского православия, особенности путей сообщения и культуру путешествия [Илюха 2018: 22].

Согласно отчету о деятельности Православного карельского братства в пределах Финляндской Карелии за период с декабря 1913 по декабрь 1914 г., в состав карельской миссии входили также катехизаторы иеродьякон Варсонофий, Н. Г. Хармайнен и В. Каргапя (И. В. Кархапя), последние совмещали эту деятельность с исполнением обязанностей походных законоучителей.

Во время предпринятой накануне войны первой миссионерской поездки епископа Киприана в декабре 1913 г. по маршруту Выборг – Йозенсуу – Нурмес – Кухмо – Аконлахти (Бабья губа) – Костомукша – Поньогуба – Войница – Ювялакша – Ухта – Малвийнен – Тихозеро и обратно по Архангельской (Беломорской) Карелии путевые заметки вел не только Исаакий, но и его спутник из числа сопровождавших Владыку, предположительно иеродьякон Варсонофий. Впоследствии оба источника были опубликованы на страницах «Карельских известий». Это дает возможность

² Опыт ведения путевых записей и подготовки их к публикации Исаакий приобрел, сотрудничая, в частности, с «Олонецкими епархиальными ведомостями» в 1908–1909 гг. [Исаакий 1908].

сопоставить содержащиеся в них сведения и проследить, как с помощью русской официальной печати начала XX в. складывались определенные представления читательской аудитории Финляндии и Карелии об экономическом и социально-культурном состоянии российско-финляндского приграничья, о населении приграничных территорий.

Так, приступив к рассказу о первом дне поездки по Беломорской Карелии, проведенном епископом Киприаном и его спутниками в пограничной деревне Аконлахти, Исаакий вспоминает, как миссионеры обсуждали маршрут путешествия с встретившими их кемским уездным наблюдателем В. Мелетиевым, благочинным А. Меньшиковым и священником-миссионером Кемско-Александровского округа П. А. Преображенским. У отца Василия Мелетиева нашлась карта местности, по поводу которой Исаакий сделал в дневнике следующий комментарий: «Необходимо заметить, что карты практической, необходимой для пользования, где бы имелись все местности и выселки, не имеется. На имеющихся картах половина заселенных местностей (выселков) не обозначена» [Иеромонах 1914: 8].

По полученным им сведениям, в это время подробную карту разрабатывал местный пристав. «Дай то Бог, хотя и такую», – заключает путешественник, продолжив дневниковые записи о поездке по Кемскому уезду Архангельской губернии: «Но разве у нас в России нет своих топографов? Разве у нас нет научных молодых сил, способных хотя бы из-за одной памяти к великому российскому ученому М. В. Ломоносову изучить его родину, принеся тем самым пользу ближним и целому отечеству? Мало, очень мало мы уделяем внимания своему необъятному северу и его обитателям, в особенности, православным и симпатичным карелам» [Иеромонах 1914: 8].

О сложностях, которые возникали при использовании имевшихся финских карт региона, упоминает и И. К. Инха, вместе со студентом К. Ф. Карьялайненом путешествовавший в этих краях в 1894 г.: «Не так уж много надо пройти по Беломорской Карелии, чтобы очутиться у водоемов, которые не нанесены на наши карты или конфигурация которых отображена на них совершенно неправильно... Поэтому тот, кто путешествует по Беломорской Карелии, испытывает желание исправить хотя бы самые серьезные погрешности, восполнить самые явные пробелы. Однако мы в своей поездке не занимались этой работой», поскольку «опасались скандалов со стороны жителей» [Инха 2019: 418]. В отличие от православных миссионеров финские путешественники проблему с картографированием приграничной территории усматривали

не в небрежении со стороны «научных молодых сил», а в предвзятом отношении ее населения к попыткам «господ из Хельсинки» фотографировать местность, якобы с тем чтобы составить карту, «по которой враг мог бы вторгнуться в страну» [Инха 2019: 283].

Поражаясь «смехотворности подобного предрассудка», Инха объясняет его недоброй памятью поколений жителей приграничья о драматической истории взаимоотношений этносов-соседей: «Все же унаследованный со времен прежней вражды страх так глубоко сидит в людях, что они с ужасом взирают на всякие „обследования“, с помощью которых можно было бы усовершенствовать неточное картографирование их края. Поскольку им не надо бояться, что картографирование лишит их земли – ведь все лесные угодья принадлежат государству, то воистину напрашивается вывод, что они боятся возобновления прежних пограничных войн. А точная карта, по их мнению, давала бы врагу преимущества в развязывании войны». После того как кто-то из местных жителей с. Ухта Кемского уезда Архангельской губернии пожаловался русскому уряднику на «подозрительных» собирателей фольклора, тот потребовал сопроводительные письма и, познакомившись с ними, «ушел успокоенный», чем умиротворил и ухтинцев. Однако в дальнейшем, пишет Инха, «мы, со своей стороны, избегали таких „обследований“, которые могли дать повод для беспокойства» [Инха 2019: 284].

Путевые заметки православных миссионеров, появившиеся в годы Первой мировой войны в «Карельских известиях», способствовали утверждению имперского дискурса и формированию заметно отличавшихся друг от друга образов Карелии и Финляндии.

На страницах журнала «места седой старины» были противопоставлены как самому наблюдателю, который видел эту старину как будто из другого времени, так и пространству «святой матушки-Руси». В соответствии с представлениями об «отсталости» целых регионов мира Карелия рисовалась ее «приемной дочерью», убогой «падчерицей» [Тинский 1915: 4]. Авторы журнальных публикаций не гнушались использованием оскорбительного для финнов экзоэтнонима «чухна» и вызывали травматические для карелов воспоминания о столетиях взаимных обид и подозрительном отношении к соседям из-за «шведского рубежа». Еще со страниц первых машинописных номеров журнала, который тогда именовал себя «нашей скромной газетой», провозглашалось, что «Карельские известия» призваны отстаивать «исторические и самые заветные начала в православной Карелии» и таким образом противодействовать разрушительной работе «господ финноманов» [Вперед 1914: 3].

Читателям разъясняли, что «карелы считали себя по вере и духу русскими уже тысячу лет» и что «на протяжении многих веков они неослабно боролись с финно-шведами за святое Православие и свой уклад жизни, а теперь финны, пропитанные лютеровской закваской, совершенно легко могут молодое карельское поколение перелицевать на свой образец» [Апетиты 1914: 7]. В заметке «Прошедшее и нынешнее», появившейся в январском номере машинописного журнала за 1913 г. на русском языке и на ливвиковском диалекте карельского языка, нарисован поэтический образ Карелии, которую автор предостерегал от беззаботности и призывал «быть на страже». Обращаясь к Карелии, он напоминал о тех «горестных днях», след которых «не сходит с чела» ее и в нынешнее безмятежное время: «Ты будто забыла прежние заботы, ты отдыхаешь сейчас... Твои вечные устои уже однажды зашатались, ты испытала страх, но поднялась на борьбу и не уступила... Однако у тебя тяжело на душе, ведь знаешь, что явившиеся с северной стороны пришельцы уведут твоих детей», и «ты не можешь простить своих обидчиков до самой смерти» [Menyitty 1913: 2].

Пафос статьи потребовал столкнуть между собой образы прошедшего и настоящего времени, апеллируя к историческим представлениям жителей карельского порубежья. Читателю предстояло прийти к мысли о том, что счастливая доля в будущем ожидает Карелию лишь в семье единоверцев, где звучит полифония образов имперского прошлого: необъятного Государства, Династии, многонационального Общества и Церкви. «Но не скорби, верный православный сосед, хоть есть у тебя предатели, но есть и верные сыновья. Тебя окружают не открытые просторы, а тихие леса. Не забудь о тех ловушках, которые расставляют на твоих дорогах сметливые охотники. Как усердно рыскали они по глухим твоим деревенькам и проявляли свою любовь и заботливость. Ты поняла их, усумнилась и обратилась за истиной к служителям алтаря Господня. Ты негодовала и стойко отбивалась, взывая о помощи. Далеко пронеслось эхо души потрясающего твоего стона, хотя тысячи преград ставились ему», – напоминал автор публикации [Menyitty 1913: 2].

Многовековое противостояние России и Швеции на карельском пограничном рубеже использовалось охранительной прессой и православными миссионерами для активизации памяти об историческом прошлом «своих-чужих» финнов. С началом военных действий на фронтах Первой мировой войны возникла необходимость внести коррективы в коллективную память населения, и одним из способов ее актуализации являлось обращение авторов «Карельских известий» к теме всенародного отпора

общему врагу, поднимавшейся в каждом номере журнала [Дубровская 2009: 18–20].

Так, своеобразным «местом памяти» должен был стать для читателей созданный на пожертвования работников российских школ санитарный Отряд имени Русского учительства. В январе 1915 г. в журнале было опубликовано «Открытое письмо русскому учительству в Финляндии», где сообщалось о начале работы на передовых позициях «Лазарета имени Русского учительства» и содержался призыв к преподавателям русских начальных училищ ежемесячно отчислять в его пользу хотя бы по 2% от получаемого жалования. Журнал регулярно печатал списки жертвователей, в них, в частности, встречается имя Н. Г. Кучепатова, впоследствии известного педагога Карелии [Открытое 1915: 6].

Просветительская деятельность православных миссионеров не сводилась лишь к вопросам вероучения и затрагивала различные стороны жизни карельской деревни, прежде всего, организацию школьного дела. Так, 7 декабря 1914 г. в Пелдожской школе Министерства народного просвещения на о. Мантсинсаари ученики слушали «чтение со световыми картинами» о Смутном времени на Руси и «об избрании на царство Дома Романовых», а также смотрели «живые картины», сюжеты которых были связаны с реалиями войны (раненная на поле боя сестра милосердия, возвращение раненого к семье, чтение раненому письма в лазарете, «летающий аэроплан и расстреливающая его пушка»). Реквизит для последней изготовил учитель ремесленного отделения школы, а пояснения к картинам давал председатель школьной дирекции, один из редакторов «Карельских известий» священник П. Шмарин [Пелдожи 1915: 7].

Перед Рождественскими праздниками 1914 г. иеромонах Исаакий разъяснял читателям «Карельских известий» о решении, принятом Православным карельским братством «ввиду войны с немцами» и распространявшемся на полтора десятка школ в карельском приграничье, которые были подведомственны братству. Речь шла об отказе от установки елок на Святки. Взамен предлагалось «повсеместно сделать „звезду“», чтобы дети могли ходить с ней по домам «славить Христа», собирая пожертвования на нужды войны [КИ 2]. По наблюдениям исследователей, пришедший из лютеранской Германии обычай устанавливать к Рождеству новогоднюю елку и прежде встречал противодействие со стороны Православной церкви, во время же войны подобные настроения стали проявляться в резких выступлениях против елки в российской печати и в запретах на устройство елки в учреждениях [Адоньева 2001: 46–51; Душечкина 2002: 123–126, 247; Илюха 2010: 89–92].

В соответствии с решением Православного карельского братства 26 декабря 1914 г. в школе при заводе св. Анны в Суоярви (Выборгская губерния) состоялся «вечер-звезда», заменивший традиционную школьную елку. Вместе с учительницей школьники «обошли весь завод», принимая пожертвования на Красный крест, а вечером участвовали в чтениях со «световыми картинами», исполнении песен «религиозно-патриотического содержания» и в «живых картинах» («молитва дитяти» и «сестра милосердия перевязывает раненого солдата»). Ученики прослушали «несколько рассказов из современной войны – сначала по-русски, затем и на карельском языке», а учительница «в костюме сестры милосердия обошла переполненный класс», собрав пожертвования в пользу больных и раненых воинов. На следующий день «вечер-звезда», противопоставленный «лютеранскому» обычаю главного противника России в мировой войне, а заодно и «своих – чужих» финнов, прошел в Вуондельской школе Православного карельского братства [Завод 1915: 8].

Разумеется, и финляндская сторона прибегала к идеологическим приемам, включавшим в себя выступления в прессе против усилий империи по «перетягиванию» карелов на свою сторону и создание концепции единства карельского и финского этносов. Как и православные миссионеры, она обращалась к памяти населения приграничья об общем прошлом этносов-соседей, не без основания рассчитывая, что эта память должна поддерживать ощущение их единства на протяжении длительного времени, несмотря на более или менее радикальные перемены минувших эпох.

Как отмечает М. А. Витухновская, на рубеже XIX–XX вв. возникшее в Российской Карелии, прежде всего в ее северо-западной части, карельское национальное движение находилось лишь на своей начальной стадии, когда собственная уникальная культурная идентичность по сути еще не воспринималась как ценный уникальный ресурс, который надо защищать и отстаивать. В культурной и пропагандистско-политической деятельности конфликтовавших сторон карельское население, в основном крестьянское и не имевшее собственной интеллигенции, участия не принимало [Витухновская 2006].

Ситуация изменилась ко времени окончания Первой мировой войны в ноябре 1918 г. На завершающем этапе войны, после выхода из нее России и обретения независимости Финляндией, Карелия из тылового и относительно стабильного района начала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем оказалась одним из первых очагов военной интервенции и гражданской войны. В столкновениях весны – осени 1918 г. прослеживается переплетение противоборствовав-

ших интересов сторон – комбатантов продолжавшегося мирового конфликта, участников ожесточенных социальных битв и отягощенных опытом четырех лет войны карельских крестьян, которые с оружием в руках по-разному решали вопрос о судьбе Российской Карелии [Дубровская, Кораблев 2017: 309–324].

21 июня 1919 г. в с. Ухта состоялось объединенное собрание членов комитета, возглавляемого Егором Лежеевым, и делегатов от пяти севернокарельских волостей Архангельской губернии: Кондожской, Ухтинской, Вокнаволоцкой, Тихозерской и Кестеньгской. В нем приняли участие и представители от карелов, живших в Финляндии. Было образовано Временное правительство Архангельской Карелии (ВПАК или Тоймикунта) во главе с С. А. Тихановым (Антти Виерма). После вывода британских войск – сил международной интервенции на Севере России – к сентябрю 1919 г. в Беломорской Карелии четко обозначились два враждебных лагеря: национально-карельский и белогвардейский русский. Отношения между ВПАК (Тоймикунта) и белым Временным правительством Северной области складывались сложно, поскольку ВПАК, представлявшее интересы северных карелов, выступало за самоопределение карельского населения, проживавшего к западу от Мурманской железной дороги [Голдин 1993: 140–144, 165–166; Голдин 2018: 432–435, 456–458; Мусаев 2007а: 88–105].

Конструирование негативных представлений о «русском периоде» в истории карельского народа характерны для агитационных материалов, которыми зимой – весной 1920 г. Тоймикунта предваряла подготовку съезда представителей севернокарельских волостей в с. Ухта (современный пос. Калевала).

Публицистические материалы Тоймикунты, отразившие представления лидеров севернокарельского национального движения «о времени и о себе», вместе с другими подготовительными документами Ухтинского съезда позволяют проследить эволюцию отношения жителей приграничья к вопросу о независимости Карелии. В источниках отразился явный поворот в их настроениях, сформировавшихся в период Гражданской войны и военной интервенции в советскую Россию.

От идеи автономии Карелии в составе Российского государства, неоднократно высказывавшейся на предыдущих съездах и митингах 1917–1919 гг., лидеры национального движения северных карелов пришли к вынесенному 22 марта 1920 г. постановлению Ухтинского съезда о том, что «Карелия сама должна решать свои дела и отделиться от России, а народ свободным голосованием определял бы образ правления и государственный строй ее» [НА РК: Л. 49].

Стереотипное для публицистической литературы начала XX в., как российской, так и финляндской, изображение пространства российско-финляндского пограничья – «отдаленного дикого севера» – традиционно дополнялось мотивом «безвременья» («заброшенности», «забвения», «одиночества»). Наряду с официальными воззваниями, Тоймикунта выпускала более доступные для простого читателя прокламации за подписью «Karjalannies» («Карел»), где те же призывы излагались в популярной форме, изобиловали пословицами и поговорками, стихотворными выдержками и носили отчасти литературно-публицистический характер [НА РК: Л. 33–44об.].

В воззваниях ВПАК прошлое становилось маркером дихотомического противопоставления «своих» – обитателей «убогой хижины» в карельской глуши – и «чужих» – «алчных крокодилов». Под этим зооморфным образом, часто встречающимся в агитационной литературе для «человека из народа», скрываются и «русский урядник со шпагой» (вероятно, погрешность перевода с финского языка), и земский начальник, и становой пристав, умеющий лишь «пыхтеть за столом и стучать кулаком». «Почему же народ поддержал свое Временное правительство [ВПАК. – Е. Д.]?» – спрашивает автор обращения «Карелам» и дает оптимистический ответ: «Да потому, что оно защищает его интересы, его правоту, его свободу, его язык и ведет к счастливой будущности».

В документах Тоймикунты встречается излюбленный финской публицистикой начала века образ мрачного прошлого Беломорской Карелии в составе Российского государства. Он во многом перекликается с заключениями, сделанными И. К. Инха. «Высшие власти, казалось, очень мало заботились об этой обширной провинции. Беломорской Карелии было очень трудно получить от правительства помощь в голодный неурожайный год, не говоря уже о дорогах и других облегчающих транспортное сообщение объектах и службах, которые там вряд ли вообще имеются. Ничего не сделано даже для того, чтобы облегчить водное сообщение, хотя реки и озера – единственные пути, по которым летом можно передвигаться с грузами... Вероятно, народ и не требовал усовершенствований, он ведь догадывался, что осуществлять их пришлось бы ему самому» [Инха 2019: 444].

В анализируемых публицистических текстах Тоймикунты присутствует постоянное противопоставление прошлого и настоящего, их взаимная ориентация друг на друга. Если совсем недавнее прошлое характеризуется как «бессилие и разорение Карелии», то настоящее названо «непродолжительным временем самоуправления», когда «у нас царило спокойствие»,

чувствовался порядок, и в сердце каждого невольно вспыхивала надежда на лучшее будущее: «Теперь для Карелии настала новая пора, – говорилось в обращении „К общему собранию Карелии“, – мы, карелы, дружной семьей выступили с оружием в руках на защиту своей родной земли и жалких убогих жилищ» и этим показали всему культурному (образованному, понимающему) миру, что «мы желаем выступить в ряды независимых народов к свободному, мирному существованию».

Декларируемое вхождение в семью стран «культурного мира» выглядит как преодоление формирующейся национальной элитой определенного комплекса, во многом порожденного «взглядом из Финляндии». Яркой иллюстрацией этому может послужить наблюдение И. К. Инхи, сделанное на рубеже XIX и XX столетий: «В стране, в которой народ не имеет возможности обучаться на родном языке, религиозные представления находятся, разумеется, на самом примитивном уровне. То, что народу необходимо для нравственного просвещения, он пытается заменить своими тщательно хранимыми старинными преданиями, благодаря чему это наследие главным образом и поддерживалось. Однако наряду с чисто нравственными представлениями народ сохранил в преданиях и поразительно много суеверий. Путешественнику поначалу действительно трудно свыкнуться с мыслью, что в наше время, под боком у цивилизации, целый народ, хоть небольшой, настолько верит в древние магические средства, что ему едва ли приходит в голову усомниться в них» [Инха 2019: 442–443].

Примечательно, что поворотным моментом истории карельского народа январская прокламация 1920 г., озаглавленная «Карел – карелам», называет события Февральской революции 1917 г. в России. В обращениях ВПАК к карельскому населению, схожих по стилю с финноязычными прокламациями Союза беломорских карел периода Первой российской революции, накануне Ухтинского съезда 1920 чувствуется если не то же авторство, то очень близкое идейное и стилистическое родство. Союз ставил целью «улучшение духовного и материального положения беломорских карел» на основе всемерного сближения Российской Карелии с этнически родственным населением Финляндии при помощи и поддержке финской общественности и властей.

Распространявшаяся в Беломорской Карелии в начале XX в. листовка «Слово карельскому народу» начиналась обращением: «Карельский мужичок, выслушай-ка это слово!». Пространство, заселенное финно-угорскими народами северо-запада Российской империи, представляло в ней в архаичном образе ветвистого дерева: «...финны, живущие

в Финляндии, – представители того же самого народа, как и карелы. Русской речи никто из карел не понимает, потому что русские не одного корня с карельским народом. А эти три народности – карелы, лапландцы и финны – как бы сучья одного дерева, выросшего из одного корня».

Распространявшееся накануне Ухтинского съезда воззвание «К чему стремится карельский народ?» подчеркивало: «Мы народ совершенно иного племени, чем русские. У нас свое природное воспитание, свой обычай и нравы, кои совершенно иные, чем у русских, у нас свой язык, который имеет свою литературу – это подтверждает история, у нас в природе каждого сохранить свою народность...» [НА РК: Л. 36]. Реконструируя иерархию различных типов событий, авторы адресованных крестьянскому населению листовок и воззваний Тоймикунты первостепенное значение придавали возникновению на сакральном пространстве родного края рун эпоса «Калевала», которые из-за погрешностей перевода на русский язык именовались в тексте «былинами»: «Весь культурный мир знает, что на земле, о которой так много воспевается в былинах „Калевалы“, живет народ, который хочет свободного, мирного самоопределения» [НА РК: Л. 44].

В публицистических материалах 1920 г. отразилось стремление деятелей ВПАК привлечь мифы об историческом прошлом карельского народа для построения новой коллективной идентичности – «единой дружной карельской семьи», желающей вступить «в ряды независимых народностей»: «На Западе живут родственные нам карелы „финны“, которые поняли наши желания. Они очень сердобольно, сочувственно отнеслись к нашим событиям, и так много написали в своих газетах, что обратили внимание всего культурного мира. А куда не шли газеты, известили по телеграфу, даже – за моря. Теперь весь мир знает, что на холодном Севере живет карельский народ, который после долгих лет угнетенного подданства русскому царю вступил в ряды независимых народностей с флагом свободного самоопределения, ради мирного труда и существования» [НА РК: Л. 44].

События, отмеченные негативной аксиологией, соотносимы с униженным, виктимным образом Российской Карелии. Если на протяжении десятилетий финляндские публицисты призывали соотечественников: «Финляндия, не стесняйся Карелии, своей оборванной сестры в лохмотьях», то на формирование этого же образа должны были работать и представления о «русском» периоде «безвременья» и «прозябания в глуши», какими их рисовали пропагандистские материалы Временного правительства Архангельской Карелии.

Таким образом, листовки Тоймикунты, как и материалы православной публицистики времен Первой мировой войны, но «с обратным знаком»,

напоминали жителям карельской глубинки об исторических фактах, репрезентация которых должна была определить их групповую идентичность. Совокупность идей и образов, предпочитавшихся авторами того или другого лагеря, отражает специфику восприятия, осмысления и оценки прошлого, глубины и вектора исторической памяти как универсального способа построения идентичности.

Исследование комплекса аналоговых и контрастных характеристик «своего» и «чужого» прошлого, мифов об этнической или национальной исключительности позволяет проследить, как шел процесс формирования у читателей православных изданий в годы Первой мировой войны и у жителей карельского приграничья – адресатов публицистических материалов Временного правительства Архангельской Карелии – определенных представлений о Российской Карелии и о Финляндии. Рассмотренные источники раскрывают основные толерантные и конфликтные мифы, идеи и лексемы, которые в чрезвычайных обстоятельствах мировой и гражданской войн использовались для создания как этнических и этнополитических образов, так и образов времени.

Источники

- Аппетиты 1914 – Аппетиты финнов // Карельские известия. 1914. № 1. С. 7.
- Архиепископ Григорий 2012 – Архиепископ Григорий (Чуков). Финляндский период деятельности Святейшего Патриарха Сергия (1905–1917) // Кораблев Н. А. Создание и деятельность Православного карельского братства на территории Российской Карелии. Приложение 1 // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. С. 162–167.
- Вперед 1914 – Вперед без страха и сомненья // Карельские известия. 1914. № 1. С. 3–4.
- Завод 1915 – Завод св. Анны // Карельские известия. 1915. № 3. С. 8.
- Иеромонах 1914 – Иеромонах Исаакий. Из дневника карельского миссионера // Карельские известия. 1914. № 19. С. 8–10.
- Извлечение 1915 – Извлечение из отчета о деятельности Православного карельского братства в пределах Финляндии за 7-й братский год // Карельские известия. 1915. № 10. С. 4–5.
- Инха 2019 – Инха И. К. В краю калевальских песен. Тропой Лённрота по Беломорской Карелии. Очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика, Юминкео, 2019.
- Исаакий 1908 – Иеромонах Исаакий. Дневник катехизатора [о поездке в Кязняжи, Оружъярви, Колатсельгу, Хюрсюля, Палоярви] // Олонекские епархиальные ведомости. 1908. № 19. С. 434–439; № 20. С. 457–464; № 21. С. 489–499; № 22. С. 521–528.
- КИ 1 – Карельские известия. 1914. № 22. С. 1; 1915. № 23. С. 1.
- КИ 2 – Карельские известия. 1914. № 23. С. 12.

- НА РК – Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 3.
Открытое 1915 – Открытое письмо русскому учительству в Финляндии // Карельские известия. 1915. № 1. С. 6.
Падение 1925 – Падение царского режима. М.; Л., 1925.
Пелдожи 1915 – Пелдожи // Карельские известия. 1915. № 1. С. 7.
ПФС – Православный Финляндский сборник.
Тинский 1915 – Тинский Б. Запросы духа // Карельские известия. 1915. № 16. С. 3–4.
КА – Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии). КККФb 1084: О выпуске издающихся при Главном совете Карельского православного братства в Выборге «Карельских известий».
Menyitty 1913 – Menyittyinygysty // Карельские известия. 1913. № 2. С. 2.

Литература

- Адоньева С. Б.* Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб., 2001.
- Басова Н. А.* Служение священномученика Уара (Шмарина) на острове Мантсинсаари (1910–1916 гг.) // Православие в Карелии: Материалы IV науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. С. 243–252.
- Витухновская М. А.* Карелы и Карелия как «яблоко раздора». Русская власть и православная церковь против карельского национализма // Россия и Финляндия в XVIII – XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 239–253.
- Витухновская М. А.* Карельские приходы и «панфинская пропаганда» (1906–1914 гг.) // Православие в Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 113–129.
- Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки, СПб.: Норма, 2006.
- Голдин В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Севере России: 1918–1920. М.: МГУ, 1993.
- Голдин В. И.* Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018.
- Дубровская Е. Ю.* Миссионерская деятельность православного духовенства в Карелии в начале XX в. Христианство в регионах мира. СПб.: Наука, 2002. С. 58–70.
- Дубровская Е. Ю.* Карельско-финляндское приграничье в исторической памяти населения Карелии (по материалам периодики начала XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы 10-й ежегодной междунар. науч. конф. (16–18 апреля 2008 г.). СПб.: РХГА, 2009. С. 17–27.
- Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А.* Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Душечкина Е. В.* Русская елка: история, мифология, литература. СПб.: Норинт, 2002.
- Забелина Н. Ю.* Имагология как форма исторического знания // Науч. тр. Московского гуманитарного ун-та. Вып. 95: Доклады XII науч. конф. М.: МГУ, 2008. С. 138–153.

Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX вв.: Очерки. Документы. Материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010.

Илюха О. П. Репрезентация племен и народов в «Олонецких епархиальных ведомостях» // Олонецкие епархиальные ведомости (1898–1918): библиографический указатель / Сост., вступ. ст. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 13–24.

Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998.

Кораблев Н. А. Создание и деятельность Православного карельского братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. С. 121–171.

Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.) СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007а.

Мусаев В. И. «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX – начало XX вв.) // Нестор. Журнал истории и культуры России и восточной Европы. Финно-угорские народы России (проблемы истории и культуры). СПб.: Нестор-История, 2007б. № 10. С. 77–78.

Нетужилов К. Е. Православные периодические издания в Великом княжестве Финляндском // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегод. междунар. науч. конф. СПб.: РХГИ, 2004. С. 230–236.

Нилов В. М. Орган местной гласности. Роль периодической печати Олонецкой губернии в развитии общественного сознания. В 2-х ч. Ч. 2. Петрозаводск: ПетрГУ, 2017.

Олонецкие епархиальные ведомости (1898–1918): библиографический указатель / Сост., вступ. ст. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018.

Осипов А. Ю. Финляндский вопрос на рубеже XIX–XX вв. в освещении провинциальной периодической печати (на примере «Олонецких губернских ведомостей») // Провинциальная журналистика и жизнь в Российской империи в XIX – начале XX вв. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. С. 129–151.

Шейкин А. А. Конструирование «панфинскую пропаганду» (Начальный этап «панфинской пропаганды» в документах канцелярии архангельского губернатора) // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 160–164.

Шикалов Ю. Г. Стереотипы Беломорской Карелии: взгляд с Востока и с Запада // Соргавальский исторический сборник. Вып. II. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 118–128.

Arkimandritta Panteleimon. Valamon Paterikon. Luostarinisielämäkerta. Valamonluostarinjulkaisuja 30. Jyväskylä, 1989.

Vuorenmaa T.-J., Kajander I. I. K. Inha valokuvaja 1865–1930. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1981.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории, ИЯЛИ КарНЦ РАН.